

А. А. ПОПОВ

ПОЛУЧЕНИЕ «ШАМАНСКОГО ДАРА» У ВИЛЮЙСКИХ ЯКУТОВ

Прежние исследователи религии якутов — В. Ф. Трощанский, В. М. Ионов, С. В. Ястремский и др., давшие исключительно ценные труды в этой области, работали в пределах бывшего Якутского округа. Верования якутов других округов — Олекминского, Вилюйского и Верхоянского — до сих пор остались неизученными; между тем они имеют свои отличия, возникшие главным образом в результате культурного общения якутов с ближайшими соседями — эвенками и палеоазиатами. В некоторой степени дополняют эти пробелы собранные нами в 1922—1925 гг. материалы по верованиям якутов северной части бывшего Вилюйского округа (Удюгейский улус). В настоящей работе¹ мы касаемся мало изученных вопросов получения «шаманского дара».

Довольно скудные сведения, имевшиеся в русской литературе по шаманству народов Сибири и Средней Азии, в свое время были сведены в общих трудах по шаманству Михайловского, Харузиных, а после Октябрьской революции — в популярных книжках Урсыновича, Косокова и др. Особо следует отметить две ценные работы, посвященные вопросам получения шаманского дара: Штернберга «Роль избранничества в религии» (1927)² и Дыренковой «Получение шаманского дара по воззрениям турецких племен» (1930).³

Большинство прежних исследователей обращало свое внимание главным образом на внешнюю сторону шаманства, больше занимаясь описанием костюма шамана и его ритуальных действий. Между тем фиксирование психологической стороны получения шаманского дара имеет важное значение для выяснения причин появления шаманства. Записи шаманских автобиографий, под которыми мы разумеем описание душевных переживаний, испытываемых призываемым, представляют интерес не только для этнографов, но могут заинтересовать и специалистов-психиатров.

Шаманы — ојун — у якутов, как и у других народов Сибири, являются посредниками между божествами, духами и людьми. Для этой не всегда безопасной деятельности посредничества шаманы призываются свыше особыми духами.

По убеждению якутов шаманы оказывают большую пользу людям: своим умелым заступничеством они избавляют людей от вредных и губительных действий различных духов, у добрых божеств испрашивают удачу, счастье и богатство. Но деятельность шаманов может оказаться и вредной:

¹ Предлагаемая статья представляет отрывок из большой работы по верованиям якутов б. Вилюйского округа.

² Журн. «Этнография», № 3, 1927.

³ Сб. Музея антропологии и этнографии, т. IX.

они могут насылать болезни и различные бедствия и при посредстве своих духов даже умерщвлять, «съедать» людей. Согласно такой двойственности своих функций шаманы делятся на добрых (ајы и ојуна — шаман добрых божеств) и злых (абасы ојуна — шаман злых духов, сiāmāх ојун — поедающий, умерщвляющий шаман). В старину такое разграничение функций соблюдалось очень строго.

Призываются шаманы к своему служению духами верхнего (неба), среднего (земли) и нижнего (подземного) мира. При рождении ребенка, предназначенного быть шаманом, духи похищают все три души: салгын кут — «воздух-душу», буор кут — «земля-душу» и jijä кут — «мать-душу»; при этом ребенок не умирает, а только отделяется легкой болезнью. Каждая из похищенных душ получает особое «воспитание».

Воздух-душа ребенка, предназначенного быть верхним шаманом, похищается дочерью божества шаманки Ары Дархан и уносится в ее жилище. Около ее жилища растет очень большая лиственница с девятью отверстиями (дуплами — кумалан), из которых три нижние имеют подстилку из мха, три средние — из хвои и три верхние — из листьев. В нижних отверстиях воспитываются души плохих шаманов, в средних — посредственных, а в верхних — самых знаменитых (шаман, воспитанный в девятом отверстии, — высшая степень шаманства). Воздух-душа воспитывается в одном из отверстий в виде птенца кукушки (или, по другим рассказам, птенца кулика) от года до девяти лет, смотря по своему предназначению: душа знаменитого шамана воспитывается дольше, нежели плохого. Если предполагается злой шаман, дупла имеет вид голого, неоперившегося птенца.

Во время пребывания в дупле душа доброго шамана откармливается орлиными яйцами; дочери и сыновья Ары Дархан, сидя на краю отверстия в образе орла, обучают душу различным шаманским уловкам и хитростям. Душа доброго шамана откармливается душами своих родичей и душами их скота; дочери и сыновья Ары Дархан кормят ее пестрыми вороньими яйцами и, сидя на краю отверстия в образе ворон, обучают душу подобным же уловкам и хитростям.

Некоторые души трудно воспринимают шаманскую выучку, тогда их вынимают, дают обсохнуть крыльям и откармливают пестрыми зайцами, двухглавыми орлами (öксöкү) и пестрыми рыбами, — все это воспринимается душами в виде шаманских уловок и хитростей. Когда крылья птенчика-души высохнут, духи снова кладут ее в дупло, где она остается еще на три года.

Когда срок пребывания воздух-души закончится, ее уносят дочери черных облаков, одевают в лебединую шкуру и в таком виде обучают шаманству, а затем возвращают человеку обратно.

Воздух-душа ребенка, предназначенного быть шаманом от среднего мира, похищается посыльными того духа, который призывает младенца к шаманскому служению: духа огня, духа воды Укун'а, духов лесных зверей и др., и уносится к большой березе, растущей около северных демонических старух, где также помещается в одном из трех отверстий, в зависимости от степени своего будущего служения, на срок от нескольких месяцев до трех лет. По истечении срока воспитания душа берется северными старухами и кладется в железную люльку в одной из трех комнат, специально предназначенных для знаменитого, посредственного и плохого шамана. Душу знаменитого шамана выкармливает грудью старшая северная старуха, посредственных — средняя и плохих — младшая. Душа злого шамана выкармливается душами родичей и «нечистыми» гадами:

червями, ящерицами, лягушками и пр. Такое состояние души продолжается от года до трех лет.

Если шаман призывается к служению духами нижнего мира, воздух-душа тоже уносится к северным старухам, где также воспитывается в железной люльке до трех лет и выкармливается грудью сестер. Вслед за этим, если шаман призывается Кыдај Махсын'ом (иначе Кыда Бахсы),¹ воздух-душа несколько лет воспитывается на огне, в том самом месте, где это божество вставляет сопла своих кузнечных мехов. Эти шаманы носят название шаманов духа огня. Если же о воспитании души заботится другое божество нижнего мира, которое, понятно, не может быть добрым, то душа уносится в такую непролазную грязь, дальше жилища самого Арсан-Дуолај'а (другое название Бытыктах — бородатый), властителя подземного мира, в которой вязнут даже пауки, и здесь в виде птенца гагары или кукушки претерпевает невыносимые страдания: у нее сгнивают перья, слезает кожа, кормится она исключительно душами своих родичей и различными гадами. Через известный промежуток времени (от года до трех лет) духи вынимают птенца из грязи и дают ему подсохнуть на солнце, причем, если шаману суждено быть особенно жестоким, стегают его талинками, отчего птенец превращается в громадную лягушку величиной с юрту.

У будущих знаменитых шаманов нижнего мира воздух-душа подвергается закаливанию, причем это производится различно: душа кладется на полтора года в сулему и на полтора года в воду болезней. При закаливании человек хилый может не выдержать, душа его раскалывается надвое, и он умирает. После этого душа посылается обратно к северным старухам, и там снова обучают ее, надев шкуру ворона.

После закалывания божество, предрекающее судьбу человека, предсказывает число лет жизни будущего шамана.

В то время как воздух-душа возвращается обратно к человеку, мать-душа и земля-душа совершенно перерождаются и не возвращаются обратно к шаману. Перерождение этих душ происходит одинаково для шаманов и верхнего, и среднего, и нижнего мира.

Мать-душа новорожденного уносится на край воды болезней, где и остается навсегда, принимая вид фантастического животного мать-зверя. Несмотря на совершенно самостоятельную жизнь, мать-зверь тесно связан с судьбою шамана. Мать-звери шаманов часто дерутся между собою, и в случае поражения или гибели их хворает или умирает шаман, с мать-зверем которого случилось несчастье. Каждый шаман видит своего мать-зверя в течение всей жизни только три раза: при первом камлании, в середине своей жизни и перед самой смертью.

Земля-душа будущего шамана превращается в рыбу и помещается в особую запруду (басыт) в воде болезней, устроенную железными людьми из трупов убитых для этой цели (без ведома и согласия будущего шамана) семи девушек, семи молодых людей и семи голов скота. Земля-душа в виде рыбы плавает внутри этой запруды и все время старается перескочить через нее, и, если это случится, шаман умирает. При камланиях шамана земля-душа выпускается на свободу особыми духами, но сейчас же после камлания снова загоняется в запруду и запирается. В воде болезней имеются три верши, куда земля-душа, когда выпускается на волю, старается загнать земля-душу своего врага — другого шамана. Вся вода болезней переполнена рыбами, т. е. земля-душами различных шаманов.

¹ Божество, покровительствующее кузнецам.

Во время отсутствия воздух-души будущие шаманы: в возрасте от 3 до 5 лет — самые знаменитые, от 5 до 9 лет — посредственные и от 12 до 18 лет — плохие, начинают видеть пророческие сны, предсказывать будущее и к концу указанных лет подвергаются сильным физическим и душевным страданиям, часто теряют сознание, и в таком состоянии их посещают видения. В это время происходит один из важнейших актов призвания — кромсание тела (ätätär), у знаменитых шаманов происходящее трижды.

Кромсание тела будущего верхнего шамана происходит так: во время своих страданий шаман впадает в бесчувственное (для окружающих) состояние и видит, что к нему собираются многочисленные духи, срезают ему голову, кладут ее на полку или втыкают на длинный шест. Голова, будучи отделена от туловища, не теряет способности видеть, слышать и чувствовать. Духи, срезавшие голову, разрубают остальное тело на мельчайшие кусочки (по некоторым рассказам, на 99 частей) и складывают в три отдельные кучки, откуда, беря кусочки в рот, выплевывают их по сторонам: из первой кучки — духам верхнего мира, из второй — духам земли и из третьей — духам нижнего мира, называя каждого духа по имени.

Если во время кромсания тела удастся духам деревьев и трав (от мас іччitä) украсть кусочки тела, шаман, хотя бы и предназначался быть добрым, становится злым.

Затем все кусочки каким-то образом оказываются снова в кучках, духи склеивают их слюной и, когда тело примет свой прежний вид, приставляют голову, и человек снова оживает.

Рассказывают, что в старину был случай кромсания тела наяву.

«В бывшем Верхне-Виллюйском улусе жили небогатые люди, у них был мальчик Оросо — очень болезненный и хилый. Однажды летом мальчик пошел на озеро ставить силки (тіргä) на уток и осматривать настороженные. Оросо, насторожив силки и вынув шесть уток, хотел уже возвращаться домой. В это время из лесу выехали три чрезвычайно высоких всадника на конях рыжей масти с белой полосой на морде. Мальчик принял всадников за русских, и так как в старину якуты боялись русских, то убежал в лес и там схоронился среди кустов. Люди, однако, захали в лес следом за ним. Один из всадников громко закричал: «Человек, обязанный разыскивать, разыщи-ка мальчика!» На это откуда-то явился высокий и тощий человек и выволок из-за кустов еле живого от страха Оросо. Один из всадников срубил высокую лиственницу и очистил ее от коры. Оросо взяли, срезали ему голову и насадили ее на заостренный конец воткнутой в землю жерди. Несмотря на такое необычайное положение, голова, однако, продолжала и видеть и слышать. Оставшееся тело всадники разрубили на части и стали откладывать в сторону по кусочку посредством деревянного ковшика с тремя отверстиями, каждый раз говоря, что это предназначается такому-то духу. Когда таким образом все кусочки были распределены, люди сказали, что нехватило доли духу болезни расслабления (нäs ölü төрдө). Затем все кусочки соединили воедино, сняли голову и присадили к туловищу. Оросо стал таким же, каким был прежде» (1-й Батулинский наслег, Максим Николаев Буочча).

При кромсании тела шамана, призываемого духами среднего мира, также отрезается голова и насаживается на железный кол, тело также разрубается на мельчайшие кусочки (по некоторым рассказам, на 7 или 9), которые напизываются на рожны и рядами тут же раскладываются на земле. Когда все кусочки уже напизаны, рожны втыкаются в землю в разных направлениях, причем духи говорят каждый раз: «Это вехи путей к такому-то духу (имя) верхнего, среднего или нижнего мира». Духи, разрубавшие тело, делят между собою кусочки нескольких оставшихся рож-

нов. Несмотря на малое количество рожнов и многочисленность духов, кусочков хватает на всех. Кусочки затем также соединяются.

В некоторых случаях, когда кромсают тело шамана среднего мира, отрезают половые органы и бросают их в море болезней. Такие шаманы при камлании, показывая чудеса, могут наводнять юрту.

После того как духи приставят отрезанную голову к туловищу призываемого, они надевают на него шаманский костюм, дают в руки бубен и колотушку и, заставляя скакать, просят повторять за ними слова заклинаний.

Кромсание тела шамана, призываемого нижними духами, происходит так же: откладываются кусочки тела на три части, одна из которых предназначается северным старухам, другая — роду Арсан Дуолај'я и третья — духам различных тяжелых болезней, преимущественно венерических. После кромсания тела три духа ведут нижнего шамана к Арсан Дуолај'ю и говорят ему, что этот человек желает стать шаманом. Арсан Дуолај' заставляя приведенного произнести различные заклинания, после чего плюет ему на голову (делится от своей хитрости) и, коснувшись пальцем, говорит: «Будь знаменитым (посредственным или плохим) шаманом!»

Интересно привести следующий рассказ самого шамана о муках своего призвания:

«Зимою, в один из теплых дней я верхом на олене поехал разыскивать своих оленей.¹ Время близилось к ночи; вдруг я почувствовал сильный удар в спину неизвестно от чьей руки; все тело пронизалось холодом, словно кто-то облил ледяной водой. Подняв голову вверх, я увидел трех воронов: один был с белой головою, другой — пестрый, а третий — обыкновенный черный. Заинтересовавшись необычностью этого явления, я до того загляделся, что закружилась голова, отчего, теряя сознание, упал на землю. Падая, услышал чей-то голос: «Оказывается, здесь тот, которого искали». Не знаю, сколько времени пролежал на снегу, с большим трудом вернулся домой, где слег и сильно заболел. Ночью увидел сон: пришли какие-то люди, принесли доску, на которой рубят мясо, и поместили ее посередине юрты. Затем внесли кожаную суму величиною с бычачью голову, крепко зашитую со всех сторон и, очевидно, наполненную какою-то жидкостью. Суму положили на доску и разрубили надвое; кровь разлилась по всей юрте. Какой-то человек, стоявший на левой стороне, умылся этой кровью, и мне очень захотелось крови — не знаю, почему. Тогда умывавшийся брызнул на меня изо рта кровью: все тело зазнобило, и получилось такое ощущение, как если бы впились в тело много остей от колосьев.

Я упал навзничь и стал захлебываться в разлитой крови. Двое каких-то неизвестных подняли и вынесли меня на улицу, где стали стегать изо всей силы не то веревками, не то ремнями. После этого внесли меня в совершенно незнакомую юрту и положили на пол. В тело впились различные гады. Я очнулся и целых три месяца не находил себе покоя, часто сходил с ума.

Весною для окружающих я совершенно сошел с ума, и домашние целых семь дней должны были держать меня привязанным к столбу. К концу шестого дня моего сумасшествия мне опять стали мерещиться видения. Я начинаю помнить с того момента, когда услышал голос: «Мы тебя унесем к северным».² После этих слов меня унесли в худую (грязную,

¹ В северных округах некоторые хозяйства якутов наряду с рогатым скотом и конями разводили также и оленей.

² Т. е. к северным демоническим старухам.

темную) юрту, отрезали голову (я почувствовал ужасную боль) и разрубили все тело на части, которые вместе с головой положили в железную люльку. В люльке все кусочки тела срослись между собою, и я принял обычный вид. Крепко связали меня пестрою веревкой и стали раскачивать люльку. Через некоторое время веревку развязали и, протыкая чем-то острым, пересчитали все мои кости и отдельные волокна мускулов (ätim sасын) и сказали: «Оказывается, у тебя одна кость и три мускульных волокна лишние». Откуда-то появился человек, очень похожий на медведя, и сказал: «Дайте-ка этого человека мне!» Перед человеком, сказавшим эти слова, поставили большую четырехугольную медную посудину, и он стал блевать в нее сгустками крови. Меня схватили сзади и обмакнули несколько раз в эти кровяные сгустки, говоря: «Нужно бы дать ему имя». Хотя я очень интересовался узнать свое новое имя, но почему-то не говорили. Я опять услышал голос: «Иди-ка сюда и дай пососать этому парню!» На это вошла женщина с собакой. Меня положили в посудину с кровью. Собака подошла и лизнула в лицо: я впал в глубокий обморок.

Когда очнулся, оказалось, что сижу на коленях вошедшей женщины. Она вытащила левую грудь и стала давать мне в рот сосок. Я с отвращением отвернулся. Женщина положила меня на пол лицом вниз и сказала, чтобы для меня приготовили гнездо, и тут же спросила: «Какой величины предполагаете сделать?» Ответили: «Будет иметь в окружности четыре аршина, в вышину три, с тремя медными обручами». Взяли меня и положили в точно такого вида люльку, накрепко запеленав, как маленького ребенка. Когда я лежал в люльке, в юрту вошло очень много людей с безобразными лицами, и, кажется, большинство из них были старухи. Одна из вошедших сказала: «Хорошо бы нам раздобыть пищу, сварили бы отличную еду». После этих слов две женщины с вымазанными сажей лицами вышли на улицу. Как только за ними прикрылась дверь, мне выкололи оба глаза. Послышался голос: «Да это он». Я упал навзничь. Когда я лежал в этом положении, стали тянуть влево за переносье железным крючком. Я приподнял голову, глаза мои попрежнему получили способность видеть.

Оказалось, что я лежу в устье Кровавой реки с течением вперед и назад (хардары тары сүрдәр хапнах өрүс төрдө). Из этой реки почерпнули воды и досыта напоили меня, затем, просверлив уши, положили в глиняную посудину со стенками вышиною в четверть и сказали: «Ты стал знаменитым шаманом, имеющим кровавое подножье». Подбросили кусок запекшейся крови величиною с подушку и, поставив меня на нем, сказали: «Ты будь знаменитым из злых шаманов с кровавым подножьем». Эти слова я повторил, сам не зная для чего. На шею накинули петлю из веревки и повели куда-то очень далеко. Затем надели на меня тяжелый шаманский костюм, дали в руку колотушку длиннее голени, бубен и стали говорить: «Получил ведь ты длинный огненный хвост! Стал ведь ты с легким дыханием! Получил ведь ты выражение морды грозного медведя! Получил ведь ты черно-красные глаза отлинявшего медведя! Получил ведь ты чуткие уши!»¹

Я уселся и стал шаманить, и это продолжалось очень долго. Когда я кончил, запеленали меня и в таком виде посадили на прежнее место. Пришли люди и стали дуть в лицо холодом. Меня отнесли в то самое место, где разрубали на части тело, развязали веревки и приказали шаманить вместе с находившимися тут шаманами. Я отказался, тогда сказали: «Дочь үлүс-я, иди-ка сюда, этого проклятого унеси и дойми как

¹ Уот субург, ган кутуруктэх быоллун ат! Туптә-төлөн тыннэх буоллун ат! Сырг, ган асә сыраја сырайданны ат! Халдан асә хара-хән харахтанныат! Хәрәчуор кулгахтанны ат!

следует». Взяли меня, завернули в сырую медвежью шкуру и куда-то унесли. Я потерял сознание.

Начиная приходить в себя, я почувствовал невыносимые боли: оказалось, что какие-то неизвестные люди всячески истязали меня. Это продолжалось довольно долго. Когда мои истязатели остановились, сказали: «Унесите-ка его в преисподнюю»; те, к кому обращались, переспросили: «Куда?» и получили ответ: «В страну, имеющую грязевые бездны, подобные отверстиям девяти колец». Меня куда-то отнесли, сунули в какое-то узкое отверстие и сказали: «Отнесите-ка его роду Нјохтōлōх, пригвоздите-ка его против черной печени». Мне в печень воткнули нож, я потерял сознание и очнулся привязанным к одному из столбов юрты. Велел своим домашним освободить от веревок и стал очень долго истерично распевать (мāнāрїдїм). В последующие ночи я опять стал попадать на места своих походов и всегда видел там болящего и желал шаманить над ним с единственной целью избавить его от страданий.

Когда я просыпался, вздувало живот, ломило кости, и я целыми днями не находил себе покоя от невыносимых страданий. В такие дни я, можно сказать, и не вставал с постели. Если пытался встать на ноги, в глазах рябило и кружилась голова. Несмотря на это, я иногда, пересиливая всю тяжесть страданий, захватив нож или ружье, отправлялся, сам не зная куда, с мыслью покончить с собой. Но каждый раз я возвращался живым, не решаясь нанести на себя руки, и от страданий рвал зубами свое тело.

Так промучился я целый год. В одну ночь я увидел во сне человека, одетого в коровьи желудки, и с этих пор стал желать как во сне, так и наяву быть шаманом (это было весной) и начал без всякой цели уходить в разные стороны. Домашние разыскивали и находили меня дня через три или четыре лежащим без памяти. Приходя в себя, я вспоминал, что ходил на четвереньках, подражая волкам и медведям, выкапывал из земли червей, ловил гадов: ящериц, мышей — и съедал их. В одно из таких скитаний я опять лишился чувств, и когда очнулся, была уже глубокая ночь. Оказалось, что я лежу совершенно голым, из-под мышки и паха вылетели целые тучи мух; руки и ноги были искусаны муравьями; с большим трудом я добрался до дому.

В эту ночь, когда все домашние уснули, вдруг откуда-то сверху на лицо упал большой огонь, но никакого ожога не причинил. Я лежал около стенок палатки, и вдруг кто-то стал тянуть мою руку за палатку. Я, испугавшись, сильно закричал. Домашние проснулись, но никого не нашли, рука же моя действительно лежала за полотном палатки, на улице.

В начале второго года во сне мне все время приходилось спорить с духами. Я говорил, что ни за что не буду шаманом. Они говорили: «Лучше согласишься, все равно будешь. Все равно покроем тебя (как) шапкой, белоногой, имеющей на морде белую полосу, почтенной густой и заплесневелой, смотрящей исподлобья матушкой ночью», — и сильно щекотали. Затем, расчесывая волосы, наказывали: «Только посмей-ка остричь»; с этого времени я перестал стричь волосы.

Временами в зимние ночи я незаметно от своих выходил голый и сидел на дереве. С рассветом осторожно, не желая, чтобы узнали родные, ложился в свою постель.

В таких мучениях провел я весь второй год. На третьей весне я с длинным арканом поехал ловить оленей. Приблизившись к стаду, я стал подкрадываться, чтобы бросить на рога аркан, и увидел перед собой большую собаку. Когда приблизился к ней, зашумело в ушах, и я опять лишился сознания. Сколько времени пролежал, не знаю; очнулся крепко-накрепко

связанным, тело невыносимо болело от врезавшихся веревок. Родные, обеспокоенные долгим отсутствием, разыскали меня и увезли домой.

Дома ночью я услышал голоса: «Добудь себе одежду, бубен и будь шаманом».

Дня два или три обошлось без всяких приключений. Нужно было ехать на новое стойбище, и я опять поехал за оленями. Когда пригонял стадо, один из оленей пустился в сторону. Я поехал за ним вдогонку, и вдруг мне сделалось дурно, я упал с оленя и потерял сознание. Выехал рано утром, когда же проснулся, была уже ночь, и опять я лежал кем-то крепко связанный. Родные привезли домой, и здесь я промучился несколько дней.

Во время этой последней моей болезни мои родные догадались и заказали бубен и колотушку, чтобы заставить скорее шаманить и этим избавить меня от излишних мучений. Поправившись, я стал шаманом» (шаман Спиридон Герасимов, Мастахский улус).

Некоторые из призываемых упорно не желают быть шаманами, считая это большим грехом (с христианской точки зрения). Таких людей духи, после бесплодных угроз и упрасиваний, заставляют бросать в воду болезней. Один из духов берет упряма за шиворот и бросает его очень высоко. Несколько раз перевернувшись в воздухе, человек падает в глубокую яму, длиною в 9 пяток и шириною с пятку, окруженную со всех сторон высокими каменными горами, не имеющими вершин. В этой яме брошенный испытывает ужасные мученья. Духи раза три или четыре вынимают его из воды болезней и упрасивают. Но если и в последний раз духи не получают согласия, то такого человека (если он недостаточно набожен по-христиански) искалечивают на всю жизнь или «съедают».

Однако можно избавиться от назойливости духов следующим образом. Когда умрет женщина из близкой родни, призываемый, не желающий быть шаманом, должен во время обмывания подойти к трупу и скрыто от окружающих дотронуться пальцем до его ребер.

Шаманы, призываясь к своей деятельности, получают особые, не свойственные прочим людям телесные отличия, к числу которых относятся «оїбон» (прорубь) и «кіälі».

«Оїбон» представляет собою отверстие в теле, закрытое сверху кожаной перепонкой, в которое шаманы втыкают нож при самокалывании. Наличие оїбон говорит за то, что этот шаман не шарлатан, но самый настоящий. Количество оїбон бывает различно: самые знаменитые шаманы имеют девять (на макушке, против печени, посредине спины, в подмышках, в пятках и в пояснице). Совершенно не имеют оїбон плохие шаманы и шаманы, получившие свое призвание от духов среднего мира.

Относительно оїбон записан нами следующий рассказ:

«В жаркий солнечный день один косец вышел отдохнуть и уселся под деревом спиной к солнцу; он был без рубашки. Случайно бросив взгляд на свою тень, человек увидел, что на одном месте в тени получилось светлое пятно, как бы от прохождения насквозь солнечных лучей. Это очень удивило косаря, и он, внимательно осмотрев свой живот, дотронувшись до того места, где, казалось, проходили лучи, давил пальцем, и палец без сопротивления стал поддаваться внутрь. Кожа не разрывалась под давлением пальца и все растягивалась, причем чем глубже уходил палец, тем все более чувствовался какой-то зуд. Палец весь вошел в тело, кожа не разорвалась, а зуд все делался нестерпимей и нестерпимей. Косарь, не долго думая, схватил один из валявшихся под ногами рожнов и, вынув палец, проткнул себя насквозь. Рожон вышел за спиной, из раны потекла кровь, хотя боли и не почувствовалось. Рассказывают, что этот человек

стал впоследствии знаменитым шаманом» (записано в 1-м Батулинском наслеге).

Kiäli — особое помещение в животе, куда шаман втягивает ртом злого духа из больного, а также впускает различных духов для общения с ними. Шаманы, имеющие kiäli, обладают большой способностью удалять из больного духов, причиняющих болезни. Бывают по этой части общепризнанные специалисты — «syllärdäx ojun». Они при камланиях, выращая длинный клюв, могут посредством его вытягивать из больного в kiäli какого угодно духа, а также в состоянии проглатывать и отрыгать обратно монеты, иголки и другие мелкие вещи.

Нервная болезнь «mäñärijär», состоящая в том, что больные поют от имени злых духов и, хлопая в ладоши, скачут, происходит от внедрения в живот злого духа, а так как больные — «mäñärik» — не шаманы, простые люди, они kiäli не имеют, и поэтому, если в их живот заберется сильный дух, он обратно выбраться не в состоянии и может причинить смерть больному.

Опасность шаманского служения, так как им очень часто приходится иметь дело с абасы (злым духом), весьма велика; поэтому естественно, что призывающие духи снабжают шамана покровителями, помощниками и различными средствами самозащиты.

Из духов-защитников шамана наиболее важный — это «бык», всегда идущий впереди шамана. Он при опасности может принимать какой угодно вид, даже превращаться в иголку. Часто шаманы враждуют между собою, и эта вражда приводит к гибели слабого. Борьба шаманов очень хитра, и в ней принимают участие духи-быки, играющие в исходе борьбы решающую роль. Быки враждебных шаманов бодаются между собою, и смерть более слабого из них неизбежно влечет за собою и смерть шамана.

Духов-помощников у знаменитого шамана бывает не более 47, у плохого — не менее трех.

Самым важным из духов-помощников является дух «ämäkät»; он внедряется в шамана и имеет вид маленького человечка, величиною с мизинец. Шаманом не может быть тот, кто не имеет ämäkät. Главная его задача — руководство шаманом при его камлании. В шаманов, призванных верхними духами, ämäkät внедряется в виде небесного огня, падая сверху. Когда шаман умирает, ämäkät переходит в деревянные изображения птиц, окружающие могилу шамана, и охраняет ее от осквернения.

К остальным духам-помощникам шамана относятся: кулик, гагара, кукушка и некоторые другие птицы, при камланиях переносящие шаманов через различные трудно проходимые места, когда, например, приходится разыскивать духа болезни или украденную душу больного. К категории этих же духов относятся волк, медведь, собака, которые также выполняют вышеуказанные функции духов-птиц.

О появлении духов-помощников шамана существует следующее сказание.

«Первый шаман вырезал из кусочков тальника изображения «ämäkät», птиц и животных, сделав их полыми, вдунул внутрь дыхание, и они, ожив, скрылись. С этих пор и появились шаманские духи-помощники».

При каждом камлании шамана неизменно является дух Käläni, нередко с женой, сыном и дочерью. Käläni — все зайки; происходят они от дочерей облаков, некогда спустившихся на землю и вступивших в половые связи с людьми.

Käläni — хромой и одноглазый старик, весьма ревнивый; жена его очень похотливая, ищет связи с первым попавшимся мужчиной. Käläni

Эм = Käläni ?

не всегда добросовестно выполняют волю шамана, часто отказываются разыскивать духов болезней или же нарочно вводят в заблуждение, говоря заведомую ложь. Кäläni при шаманских камланиях являются комическими персонажами и, появляясь, служат предметом шуток и насмешек присутствующих.

Дух, имеющий вид черной бабочки и служащий для различных мелких посылок, называется «кötүтär абасы». При помощи этого духа знаменитые шаманы при своих камланиях достают с какого угодно расстояния листовый табак, кусочек мяса, бумажные деньги и водку.

К числу необходимых шаманских помощников следует отнести души предков шаманов, придающих особую силу при камланиях, внедряясь в живот шамана.

Духи-помощники у некоторых шаманов отличаются большой прожорливостью и непомерной жадностью, так что эти шаманы, садясь за еду, всегда бывают вынуждены делиться с ними своей пищей, разжевывая мелкие кусочки и расплевывая их по сторонам или в огонь. Если же они не пожелают этого сделать, то так сильно давятся или захлебываются, что долго не могут прийти в себя. Но даже и «кормление» не помогает, шаманы худеют, так как духи, не довольствуясь подачками, съедают питательные вещества (ис кутун, сүрүн) их пищи.

На трудные случаи жизни шаманы получают три стрелы — үөрбä, сделанные из серого камня, которые берегут и употребляют только при опасности для жизни, так как потеря их уже не возмещается. Шаманы хранят стрелы в ушах, откуда вынимают их в случае нужды и посылают в противника-шамана посредством лука, сделанного из испещренного тальника с тетивой из лыка. При попадании в цель каждая стрела причиняет смерть.¹

Кроме этих стрел шаманы получают маленькие треугольные железки — «сiкärä» (— треугольная форма и величина, показанная шаманом Спиридоном Герасимовым). Сiкärä незаметно подкладывается в пищу шамана-врага и, попадая в желудок вместе с пищей, превращается в червя, причиняющего смерть.

Шаманы-победители, преследуя побежденного, должны быть очень осторожными, так как бегущий, встречая по дороге падаль, вкладывает в нее сiкärä, и победитель, подойдя близко, никак не может отойти, не съев сiкärä, ибо его вынуждает к этому таинственная сила.

Знаменитые шаманы имеют девять сiкärä. Одним из средств борьбы шаманов между собою считается самострел (oiун ајата). В этом самостреле, который настораживается на дороге врага-шамана, большой челак (älbäräk) делается из младенца, наконечник стрелы (ырба) — из молодого парня, тетива (кiрiс) — из пожилой женщины, лук — из молодого парня и палочка для натягивания симки (кäнтiк) тоже из молодого парня. Для этой цели служат только живые люди, которые, однако, совершенно не знают, что они составляют часть хитрого снаряда.

Если стрела попадет в цель, все обходится благополучно, но если про-

¹ Шаман Никон Поскочин однажды пришел ко мне очень взволнованным, раскрыл свою спину и показал мне красные пятна, как от ожогов. «Это вчера мой враг шаман выпустил в меня стрелу, — сказал он, — к счастью, все обошлось благополучно, стрела только задела». Он же передавал мне, что однажды во сне он увидел, как раскрылась дверь юрты и показалась разинутая во всю дверь пасть чудовища. Поняв сразу, что это пришел его съесть дух шамана-врага, он сейчас же бросил в пасть находившийся внутри юрты хомут своего коня. После этого дверь захлопнулась, и чудовище исчезло. На другой день лошадь пропала. Никон вместо своей души отдал духу шамана-врага душу своей лошади и остался жив.

летит мимо, умирают те люди, которые служат наконечником стрелы и палочкой для натягивания симки.

Знаменитым шаманам удается заряжать самострел в воздухе на высоте трех сажень, что обычно служит лучшей гарантией удачи.

Часто несколько шаманов объединяются против одного, причем некоторые из них лично не участвуют в борьбе, но посылают на помощь своих духов.

Присутствие при борьбе воздух-души шамана служит причиной его гибели, поэтому некоторые из них, отправляясь на борьбу, запирают свою воздух-душу дома и крепко наказывают своим, чтобы они не открывали двери и не выпустили душу.

Шаманки считаются сильнее шаманов; в борьбе они неуязвимы, так как свою воздух-душу прячут в свою vulva. Если за шаманкой пускается в погоню шаман, она залетает на облако и оттуда брызжет в глаза шамана менструальными выделениями.

Самые знаменитые шаманы, независимо от пола, на тридцатом году жизни становятся беременными и после мучительных болей рожают в лесу ворону или гагару, которые тут же улетают. На втором году рожают щуку, которая уходит в воду. На третьем году рожают медведя или волка, убегающих в лес. Рожают три раза только самые известные шаманы.

После смерти шамана, через очень долгий промежуток времени, птица, рожденная первой, внедряется в беременную женщину, которая и рождает будущего шамана. Если шаман рожал трижды, то и внедрений в женщину происходит три через очень долгие промежутки времени, и при каждом внедрении появляется на свет новый шаман.

Когда будущему шаману исполнялось лет десять, где-нибудь встречались ему духи. Призываемый с испугу бросался на них с ножом или с каким-нибудь острым предметом, который оказывался под рукой; вместо того чтобы заколоть духов, он закалывался сам и, истекая кровью, возвращался домой, где очень долго болел, впадал в бесчувственное состояние, видел как бы наяву черных тенеобразных людей, заставляющих его выбирать одно из трех гнезд. Одно из этих гнезд кишело гадами и предназначалось для души злого шамана, другое было переполнено рыбами и предназначалось для добрых посредственных шаманов, и третье гнездо, с яйцами кулика, предназначалось для самых сильных, добрых шаманов. Мальчик или девочка первого воплощения выбирали для воспитания своей души третье гнездо, второго воплощения — второе и третьего воплощения — первое гнездо. После пребывания в гнезде душа также указывалась северными старухами, затем происходило кромсание тела.

Все, что говорилось выше, касается шаманов, пользующихся известным доверием среди населения, но были еще шаманы, получавшие свой дар от үөр,¹ мало популярные, не приносящие почти никакой пользы.

Үөр, блуждая над землей, облюбовывают понравившегося им человека и заставляют его страдать нервной болезнью «мәнәріјәр», а через некоторое время делают шаманом.

Шаманы, получившие свой дар от үөр, не претерпевают изменений, их тело не подвергается кромсанию, костюма и бубна не имеют, при камланиях вместо последнего употребляют «джалбыр» — березку. Они также не имеют оїбон и кіәлі, почему и излечивают больных простым перешагиванием (шаман, имеющий целебную силу в ногах).

¹ Үөр — души умерших, не принятые землей; превратившись в злых духов, блуждают они по земле и причиняют людям различные неприятности. В үөр превращаются также и души самоубийц.

Шаманом от уёр может по желанию сделаться каждый, заставив обучать себя знаменитого шамана. Истинным шаманом может называться лишь тот, который имеет в числе своих предков шаманов. Шаманы от уёр могут быть полезными только в продолжение трех лет со дня своего призвания.

Мы считаем нелишним обратить внимание на сходство получения «шаманского дара» у разных народов, поскольку позволяют судить об этом имеющиеся в литературе скудные сведения.

Получение «шаманского дара» у виллюйских якутов, как мы видели, носит пассивную форму, причем придаётся большое значение участию духов предков-шаманов, и человек, не числящийся в своем роду, не может стать шаманом, за исключением шаманов от уёр, не имеющих крупного значения. Дар шаманства не приобретается добровольно, духи принуждают к принятию дара призываемого различными пытками, при этом душа и тело его претерпевают коренные изменения, перерождаются. Важное значение имеет акт кромсания тела, при котором духи болезней наделяются кусочками тела будущего шамана и тем самым дают ему право впоследствии излечивать насылаемые ими болезни. Эти и другие особенности якутского шаманства имеют широкое распространение далеко за пределами народов нашего Союза почти во всех частях света.

Желательно, чтобы эта статья оказала некоторый толчок признанию важности психологического изучения личности шамана не только среди этнографов, но и среди врачей-психиатров.
